

Валерий Ковалёв

ПОЗЫВНОЙ "ГРАЧ"

18+

Валерий Ковалев
Позывной «Грач»

«Автор»

2023

Ковалев В. Н.

Позывной «Грач» / В. Н. Ковалев — «Автор», 2023

Юрка Грачев, подросток из Донбасса, живет своей жизнью, как многие его сверстники. Когда же на родине начинается война, вместе с отцом уходит в народное ополчение. Принимает участие в боевых действиях, проявляя сметку, находчивость и отвагу. Во время одного из разведпоисков попадет в плен к бандеровцам. После пыток и угроз расправы с близкими дает согласие на сотрудничество с украинской СБУ. Далее разведшкола и заброска на территорию, контролируемую ополчением, для сбора военной информации и проведения диверсий.

© Ковалев В. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Друзья	6
Глава 2. На Северском Донце	11
Глава 3. Переворот. Восстание на Донбассе	16
Глава 4. В ополчении	21
Глава 5. Плен	26
Глава 6. Долг платежом красен	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Ковалев Позывной "Грач"

Слышу голос из прекрасного далёка,

Голос утренний в серебряной росе,

Слышу голос, и манящая дорога,

Кружит голову, как в детстве карусель...

(из советской песни)

Глава 1. Друзья

Кидаем пацаны, – сказал Юрка, и они сбросили с плеч пятиметровый кусок кабеля в свинцовой оболочке. Потом, утерев с лиц пот, уселись рядом на траву под старым дубом. Генка достал из кармана сигарету, чиркнул спичкой и пустил по кругу. Все трое с наслаждением затянулись.

– Интересно, сколько за него получим? – толкнул ногой кабель Сашка.

– Гривен* сто пятьдесят, может чуть меньше – прикинул на глаз Юрка.

Все трое дружили, жили на соседних улицах и ходили в одну школу. Этой весной перешли в девятый класс.

Юрка носил фамилию Грачев. Был выше друзей на голову, жилистым и смуглым. Уличное прозвище – Грач. По натуре задиристый и не робкого десятка. Единственный в школе прыгал ласточкой в воду с самой высокой вышки на Павловском ставке, и на спор мог сходить ночью на кладбище. А еще каждое утро, дома, по десятку раз выжимал пудовую гирю и подтягивался в саду на турнике.

Второй из ребят – Сашка Гриценко, приземистый крепыш годом старше, имел кличку Сивый. Характером спокойный, но вспыльчивый и с хитринкой. А еще упрямый, из тех о ком говорят «хоть кол на голове теши».

Последнего, худенького и с раскосыми глазами Генку Ван-фа, оба звали Китайцем. Тот не возражал. Его предки во время революции 1917-го приехали из Китая на Донбасс, активно участвовали в гражданской войне на стороне красных, а впоследствии здесь и остались, работая на шахтах. В отличие от приятелей Генка был добряк, а еще большой мечтатель.

– Давайте искупнемся, – почесал облупившийся нос Сашка.

– Умная мысль, – отщелкнул в сторону обжегший пальцы бычок Юрка.

Ребята стащили выцветшие футболки с шортами, сбросили резиновые шлепки и замелькали пятками к ставку.

С неба всю жарило июльское солнце, но вода была прохладная, на дне били ключи. Ставок звался «Менжинским», по имени шахты, руины которой примыкали к балке. Там, в трансформаторной подстанции, друзья и добыли кабель.

Минут двадцать они плавали, ныряли и играли «в жука».

Потом загорали на теплом песке, глядя, как в небе плывут легкие облака.

– Жрать хочется, – прервал молчание Генка. – Айда сдадим металл.

– Айда, – откликнулись остальные.

Встав и отряхнувшись, вернулись к дубу. Одевшись и взвалив на плечи ношу, потопали через территорию шахты. От нее остался высокий, уходящий в небо террикон, два наполовину разобранных копра* да пустые коробки зданий.

Еще до рождения ребят, здесь под землей добывали уголь их деды. В то время, по рассказам взрослых, все жили в стране звавшейся СССР. В ней было пятнадцать союзных республик. Потом Союз распался. Та, где обитали теперь, называлась Украиной. На национальном языке «Нэзалэжной». Его, кстати, знал только Сашка, родители которого были из Полтавы. Юрка с Генкой едва понимали.

С пятого класса ребят учили истории их нового государства. Она впечатляла. Как оказалось, первыми людьми на Земле были укры*, от которых пошли все другие народы. Они же изобрели порох и бумагу, а еще выкопали Черное море.

На самом деле то была ложь. Деды с бабушками и родители, учившиеся в советских школах рассказывали совсем другое. Если что древние укры и придумали, то только гопак* да самогон.

Миновав шахтные развалины, выбрались на разбитую асфальтную дорогу, обсаженную с двух сторон пирамидальными тополями, а с нее на городскую окраину, застроенную одно и двухэтажными домами окруженными палисадниками. Свернули в ближайший переулок. Он заканчивался широко открытыми воротами с вывеской над ними «Пункт приема металла».

Навстречу вырuling грузеный «Камаз», обождав пока уляжется пыль, вошли на окруженную высоким забором обширную площадку. На ней высились кучи всевозможного железа, начиная от рельс, труб, швелеров и заканчивая старой бытовой техникой. Среди всего этого копались несколько рабочих. В центре стоял автокран, рядом платформенные весы для металлолома.

Оттуда к пацанам неспешно шел загорелый мужик лет сорока, в кроссовках, джинсах и майке с надписью на груди «Marlboro».

– Принимай, дядь Жень, – сказал Юрка, когда остановился рядом, и друзья сбросили ношу на землю.

– Где взяли? – критически оглядел кабель.

– На старой подстанции.

– Там еще есть?

– Нету.

– Ладно, – достал из кармана калькулятор и потыкал в него пальцем. – Сто сорок гривен пойдет?

– Пойдет, – согласились ребята.

Вынул пачку купюр с изображением Мазепы*, отсчитав, протянул Юрке, – как там батька?

– Ничего, – сунул в шорты. – Работает.

– Передавай привет.

– Обязательно, – кивнул чубом, и тройка направилась обратно.

Вскоре они шли через центр города, носившего имя Первомайск.

По меркам Донбасса он считался не малым. Население составляло за пятьдесят тысяч. В годы советской власти процветал и расстраивался. Кроме одноименного угольного объединения, состоявшего из шести крупных шахт, в нем имелись несколько заводов, обогатительная и обувная фабрики, строительное управление, три автопредприятия и другие организации.

Жилой сектор включал в себя два современных квартала высоток и старую часть, застроенную добротными, утопающими в садах домами. На юго-востоке город омывала река Лугань, с автомобильным мостом над нею, с остальных сторон примыкали волнистые степи. Тут и там в них синели терриконы.

Оставив позади площадь с белым зданием администрации, над которой развивался желто-голубой флаг, а в центре высился монумент Ленина, вскоре вышли к автовокзалу, рядом с которым находился городской рынок. Выстроен он был в стиле старинной русской сказки, с резными деревянными воротами, таким же палисадом с башенками по углам и знал лучшие времена.

Теперь большинство магазинов с павильонами пустовали, торговля шла вяло. Продавали в основном продукты питания, недорогую одежду и другое, по мелочам. В частной пекарне друзья купили горячих пирожков с ливером, в киоске по пакету молока. Усевшись в тени на одном из пустых прилавков, утопили голод.

– Ну, че? Теперь по домам? – бросил в урну пустой пакет Юрка. – А в четыре встречаемся на Луганке.

– Заметано, – сделали то же остальные.

Спрыгнув с прилавка, вышли за ворота и расстались.

Генка с Сашкой направились к девятиэтажкам за автовокзалом, Юрка, обойдя рынок, пошагал вниз по улице, блестящей асфальтом.

Миновав закрытое профессионально-техническое училище (раньше в городе таких было три) и дышавшее на ладан пассажирское АТП, остановился у киоска с мороженым. В нем купил два пломбира и свернул в переулок, обсаженный каштанами.

Там стояли «итээровские»* дома из силикатного кирпича. Каждый на две семьи, с небольшими приусадебными участками.

В советские времена половину такого получил его дед. Теперь, вместе с бабушкой, они жили в селе Нижнем на Северском Донце в полчаса езды от города. Левую половину дома из трех комнат занимала семья сына.

Толкнув врезанную в ворота калитку, Юрка вошел во двор. Сверху, по всей длине он был затенен шпалерой винограда с еще зелеными кистями. В конце стоял капитальный гараж, сбоку летняя кухня, за ней сарай.

– Братик вернулся! – выскочила из цветущего палисадника девочка лет пяти. Худенькая и с косичками.

– Держи егоза, – протянул мороженое. Осторожно взяла в руки.

На звуки голосов из летней кухни появилась лет тридцати миловидная женщина, в летнем сарафане.

– А это тебе, мама, – подойдя, вручил второе. – И еще, – достав деньги, передал ей.

– Откуда? – высоко подняла брови.

– Нашли и сдали цветной лом.

– Добытчик ты мой, – потрепала по вихрам. – Иди, пообедай.

– Я поел. Купили с пацанами на базаре пирожков и молока.

– Тогда хотя бы борща похлебай. Сегодня твой любимый, со щавелем.

– А вы?

– Мы с Оксанкой уже кушали.

Вымыв под струей воды руки, Юрка съел тарелку борща и ушел в дом.

Там, усевшись на прохладной веранде в кресло, взял с подоконника развернутую книгу и углубился в чтение. Это был роман Джованьоли «Спартак» о восстании рабов в древнем Риме. К чтению, с детских лет его приохотила мама, работавшая в одной из городских школ учительницей.

Спустя час взглянул на настенные часы (стрелки показывали 15.20). Закрыв книгу, отложив в сторону, сунул ноги в шлепки и вышел на крыльцо. Шар солнца клонился к западу, жара спадала, по двору лениво прошла кошка.

Мать с Оксанкой были в огороде за домом. Обе собирали огурцы на грядке.

– Мам, я пойду к ребятам на Луганку! – прокричал сын.

– Только не опаздывай к ужину! – обернулась, а сестричка помахала ладошкой.

Сбежав с крыльца, Юрка вышел за ворота и, сунув в карманы руки, зашагал по улице. Она была пустынной, навстречу прошла старушка, катя тележку. Поздоровался, – добрый день баба Маня.

Через полчаса он был в старом районе города, звавшемся Сокологоровкой, где за окраинной улицей плавно текла река. Была она не широкой, с поросшими вербами берегами, направился по узкой тропике вправо. Минут через десять вышел к заводу с метелками камыша. У нее, болтая пятками, на старой коряге уже сидели Сашка с Генкой. Рядом стояло пластмассовое ведро.

В теплой, прогретой солнцем воде, сутки назад, приятели установили раковку, сунув туда для приманки двух подстреленных из воздушки* галок.

– Ну что Грач? Будем доставать? – цикнул на траву слюной Сашка, а Генка продолжил мечтательно глядеть на плывущие в небе облака.

– Будем, – стянул с плеч футболку.

Все трое разделись, оставшись в плавках, и вошли в реку, направившись к камышам. У известного места там было по грудь, остановились. Сашка нащупал в тине ногой снасть, окунулись с головой и подняли наверх.

Из металлических ячеек хлынула мутная вода, внутри шевелилась серо-зеленная масса. Не хило, – отплеываясь, сказал Юрка.

Таща улов, побрели обратно. На берегу раков высыпали из сетки, наполнив ими ведро. Оказалось сорок семь штук, крупных и клешнястых, размером с ладонь. Сетку с остатками приманки вновь установили на том же месте. Выбрали из воды.

Когда обсохнув, оделись, на тропинке возникли два мужика в обносках, следующие один за другим. Это были местные ханыги*. Более молодого, заросшего щетиной, звали Дурмашина, второго, лысого и постарше – Моль. Свернув с нее, вихляясь подошли ближе, – здорово, пацаны.

– Здорово, – откликнулся Юрка. Сашка с Генкой промолчали.

– Хороший улов, – мутно уставился на ведро Моль, а Дурмашина прохрипел, – теперь будет нашим.

– Это с какого перепугу? – сузил Юрка глаза.

– Делиться надо, – ухмыльнулся Моль.

Его приятель, наклонившись, протянул к ведру руку и тут же получил кулаком в ухо, завалившись на бок. В тот же миг Сашка с Генкой набросились на второго, Моль позорно сбежал.

Дурмашина, охая, поднялся «все, все, харэ» и тоже ретировался. Справедливость восторжествовала.

Прихватив ведро, и весело переговариваясь, друзья вернулись в Сокологоровку.

Там направились к частной пивной в сквере, где продали раков по гривне за штуку ее хозяину. Деньги снова разделили, нужны были их семьям. Поскольку жили теперь небогато.

Если Юркин отец имел в городе работу, то Сашкин нет, и шабашил в России. У Генки отца вообще не было, погиб в шахте несколько лет назад. Зато кроме мамы – медсестры в больнице, имелись два младших братишки и оба каждый день хотели есть.

На остановке у закрытого теперь клуба рабочей молодежи, ребята сели в подошедший рейсовый «Богдан», и он, натужно гудя мотором на подъеме, довез их к автовокзалу.

Там, распрощавшись, друзья отправились по домам. День близился к вечеру, жара спадала, пахло нагретым асфальтом.

Когда, звякнув калиткой, Юрка вошел во двор, семья ужинала за столом, рядом с летней кухней, в тени раскидистой антоновки, унизанной плодами. Ее посадил дед в день рождения внука, вымахала под крышу.

На центральном месте сидел отец, рослый, мускулистый, с жесткими глазами и в застиранной тельняшке. В свое время служил в морской пехоте. По торцам стола – мать с дочкой.

Отца звали Николай. Возрастом был лет за тридцать, работал на одной из копанок за городом. Ими звали частные допотопные шахтенки сменившие закрытые в девяностых годах промышленные гиганты. Там вручную, кирками и обушками*, добывали уголь. Самодельными лебедками выдавали на гора, грузили на «Камазы» и те увозили на продажу.

Зарабатывали шахтеры раз в десять меньше чем при советской власти, хватало только на самое необходимое. Тем не менее, никто не роптал. Копанок было мало, а желающих получить работу много. Скрипели зубами и молчали.

– Ну, чем сегодня занимался? – спросил отец после того как вымыв руки сын уселся напротив, а мать наложила в тарелку макарон сдобренных тушенкой и подвинула ближе миску с зеленым луком, помидорами и огурцами.

Уплетая под них еду Юрка рассказал, умолчав о драке с Дурмашиной и его приятелем. Отец одобрительно хмыкнул, отставив пустую тарелку, выпил чашку компота из шелковицы и, достав из кармана джинсов пачку дешевых сигарет, закурил.

– Значит так, – выдул вверх струйку дыма. – Завтра на выходные едем к деду с бабушкой. Поможем по хозяйству. Я им звонил по мобильнику, будут ждать.

– Ура! – захлопала в ладошки Оксанка, а Юрка, солидно кивнул.

Такие поездки любил, у стариков было интересно, внук их глубоко уважал. Деда звали Петр Иванович, он был известный в городе человек. При СССР работал бригадиром «грозов»* на шахте «Родина» и являлся кавалером трех орденов Шахтерской славы. А еще раньше воевал в Афганистане, за что имел медаль «За отвагу».

Бабушка, Светлана Павловна, до выхода на пенсию трудилась сменным мастером на заводе имени Карла Маркса и пекла небывало вкусные пироги. Имелись еще дед с бабушкой – родители матери. Жили в станице Егорлыкской Ростовской области. Иногда наезжали в гости.

После ужина она ушла в кухню мыть посуду (дочурка помогать), а мужчины направились к гаражу. Отперев ворота, отец с сыном распахнули створки. Внутри, стояла бежевая «девятка». Не новая, лет десяти, но ухоженная. Чувствовалась хозяйская рука.

Открыв дверцу, отец сел в кабину, запустив двигатель, выехал во двор. Там остановившись, заглушил и вышел наружу. Вместе с сыном они проверили уровень масла в картере, и давление в шинах, подкачав одну. Долили из канистры в бак бензина.

Юрка неплохо знал автомобиль и умел водить его с девяти лет. Научил отец. Мог управлять и колесным трактором, имевшимся у деда. Тот где-то добыл сломанный и восстановил.

Закончив возиться с машиной, притащили из сарая два рогожных мешка, под завязку набитых отборным антрацитом, в подарок старикам. С углем в селе было туго, топили дровами и кизяком*. Аккуратно уложили их в багажник, закрыв, вымыли руки.

На город опускались первые сумерки, в палисаднике трещали сверчки, потянуло запахом ночной фиалки. Ушли в дом. Там, в гостиной, мать гладила белье, Оксанка, сидя на паласе, играла с кошкой. Отец включил в зале телевизор. Показывали российскую программу «Время».

Украинских передач не терпел. Там распинался очередной, по счету четвертый президент, выходец из донецких бандитов. Попы молились за «ридну нэньку Украину», а в Киеве, Львове и других крупных городах показывали митинги националистов. Они ратовали за вступление в Евросоюз и полный разрыв с Россией.

Донбасс этого не поддерживал, здесь нацистов звали бандеровцами и традиционно ненавидели. После окончания новостей Оксанку уложили спать, остальные посмотрев очередную серию «Сватов», тоже улеглись в постели. За окнами висел серп месяца, на пока еще мирную землю мигая, смотрели звезды.

Глава 2. На Северском Донце

Утром встали на заре, позавтракали, заперли дом и выехали за ворота. С уличной грунтовки свернули на асфальтированную дорогу и направились в сторону Золотого с Горским. Это были тоже шахтерские города, находившиеся недалеко от Первомайска в северном направлении.

По сторонам волнилась уже выгоревшая степь, с окаймляющими дорогу посадками. Раньше, до горизонта, в ней колосились пшеница с рожью и золотел подсолнечник, теперь все поросло бурьяном. Некогда богатые совхозы развалились, фермерских хозяйств было мало, плодородные земли пустовали. Иногда навстречу попадались другие автомобили, но редко. Юрка нажал клавишу магнитолы.

Ровный бег моей судьбы,
Ночь, печаль и плеск души,
Лунный свет и майский дождь
В небесах.

Долгий век моей звезды,
Сонный блеск земной росы,
Громкий смех и райский мед
В небесах...

наполнил салон чистый мелодичный голос. Далее последовал двумя тонами выше припев (по коже пошли мурашки).

– Красивая песня, – переключил скорость отец, когда закончилась.

– Группа «Альянс», – со знанием дела сказал Юрка. – Еще советская.

– Хорошая тогда была эстрада, – добавила сзади мать, а Оксанка спросила, – тот дядя улетел?

– Улетел, дочка, улетел, – приобняла за плечики.

Спустя минут двадцать подъехали к поселку Тошковка с закрытой шахтой. Там, повернув к старому клену на окраине, попили холодной воды из кринички. По преданию ее выкопали еще запорожцы, возившие с Азова на Запорожскую Сечь морскую соль.

– Па, можно теперь я за руль? – вопросительно взглянул на отца Юрка.

– Давай, – тылом ладони утер губы. – Только не лихачь.

Снова уселись в автомобиль (сын на водительское сидение). Выжав сцепление и включив скорость, плавно тронул с места. Теперь дорога шла по грунтовке, позади клубилась пыль, изредка ее перелетали фазаны. В последние годы они небывало расплодились, то же случилось с зайцами и воронами. Иногда отец охотился на фазанов, из них мать варила вкусный суп или запекала в духовке.

Потом вдалеке появилась синяя лента Донца, окаймленная густыми лесами.

С высокого, поросшего ковылем косогора дорога опускалась вниз. Там, в садах, белели хаты.

Нижнее было старинным селом, основанным во времена императрицы Екатерины сербами как военный шанец* и тянулось вдоль низменного берега. Насчитывало три сотни дворов, относилось к Попаснянскому району. Когда-то в нем имелся совхоз и коптильный завод, а еще бахчи.

Выехав на околицу, автомобиль покатило вдоль одной из улиц с высокими осокорями по сторонам, свернул в переулочек и остановился у ворот последней усадьбы. Юрка просигналил. Они распахнулись, встретил улыбающийся дед, въехали во двор.

Из двери веранды тут же появилась бабушка, «девятка» остановилась. Оттуда первой выскочила внучка, радостно визжа, побежала к ней.

– Ты ж моя любимая! – подхватив на руки, поцеловала в щечку.

Остальные тоже поприветствовали друг друга, отец с Юркой достав из багажника мешки с углем, оттащили их в сарай. Из-за него, сонно зевая, возникла крупная овчарка. Дружелюбно замахала хвостом

– Ну что, сторож? Проспал? – укоризненно спросил хозяин.

– Гав! – басовито ответил пес, подойдя, уткнулся холодным носом в Юркину ладонь.

– Привет, Джим, – потрепал его по жесткому загривку.

Усадьба Грачевых в селе осталась от родителей деда, лежавших теперь на местном кладбище и являла собой огороженный участок в двадцать соток, плавно спускавшийся к Донцу. На нем стояла средних размеров хата из дикого камня, обмазанная глиной и беленая известкой. С другой стороны приземистая комора* и сарай. Рядом, под навесом, стоял трактор «Белорус» с прицепной тележкой.

В конце двора, за штакетником с калиткой, имелись сад и довольно обширный огород. С уже цветущим картофелем, грядками с помидорами, огурцами, луком и морковью. Имелась у стариков и живность: по зеленой травке расхаживали куры, за сараем в клетках шебушились кролики-шиншиллы.

От завтрака гости отказались и вскоре все кроме Оксанки, переодевшись, окучивали на огороде «синеглазку»*. Урожай обещал быть богатым. Рукастый дед проложил от воды став с насосом и вечерами обильно поливал участок.

Трудились пока солнце не повисло в зените. Потом женщины ушли готовить обед, а отец с дедом и внук, поработав еще немного, присели в холодке под старой грушей на вкопанную в землю лавку. Взрослые закурили, он возил зубы в сорванную с ветки душистую «лимонку».

– Ну как там у вас в городе? – чуть помолчав, глубоко затянулся сигаретой Петр Иванович.

– Все так же, – пустил сын носом дым. – Работы, считай, нету. Одни шабашат в России, другие уезжают, многие спиваются.

– М-да, – пожевал губами. А на вашей копанке?

– Тоже не фонтан. Пласт, считай, выбрали, еще месяц – два и надо закладывать другую. Место нашли?

– Ага. Там где была шахта «Альберт», в сторону Стаханова. Если помнишь.

– Как же, – шевельнул седыми бровями старик. – На ней работал еще мой отец, твой дед. Взорвали в 41-м, когда наступал немец. Пласт там неглубоко, кое-где выходит на поверхность. А лицензию получите?

– Не вопрос. Хозяин у нас из донецких «братков». По слухам человек Ахметова*. У него тут все схвачено.

– Дожили, – пробурчал Петр Иванович. – У власти одни бандиты.

– Это да, – согласился сын. – Плоды демократии.

Сверху, топоча босыми ножками, примчалась Оксанка.

– Мама с бабушкой зовут обедать! – обвела всех глазенками.

– Уже идем, – погладил ее по головке дед. Убежала

Чуть позже вся семья сидела за столом в тени дома, с аппетитом поедая холодную крошку заправленную сметаной. За ней последовал молодой отварной картофель с тушеным кроликом и компот из черешни.

Во второй половине дня, когда жара чуть спала, женщины занялись грядками. Отец принялся налаживать барахливший водяной насос, а дед с внуком отправились на тракторе за травой. С разрешения Петра Ивановича, Юрка сидел за рулем, уверенно управляясь с техникой.

Попыхивая из выхлопной трубы дымком, «Белорус» выехал со двора в проулок, оттуда на улицу, и затарахтел по дороге, распугивая куриц. У последней хаты свернул к неглубокой балке, спустился вниз и через километр вырулил к заливному лугу. Дальше голубела река с наклонившимися над ней вербами, на лугу стояли копешки скошенного пырея.

У крайней Юрка заглушил мотор, вместе с дедушкой выбрались из кабины. Достав из тележки пару вил и поплевав на руки, загрузили ее с верхом

– Деда, я испугнусь? – утер со лба пот Юрка.

– Испугнись, внучек, а я остыну в холодке, – согласно кивнул.

Вскоре тот плескался в текучей воде, а старик, попыхивал сигаретой в тени деревьев. Накупавшись и поныряв, Юрка уселся рядом с Петром Ивановичем. Помолчали.

Пить-пить, – носились над рекой ласточки, высоко в небе кружил ястреб.

Деда, правда, что мы из сербов? – нарушил тишину Юрка. – Мне как-то бабушка рассказывала.

– Правда.

– И откуда они тут взялись?

Пришли служить в Россию лет триста назад, охраняли ее южные рубежи. На берегах Донца основали военные поселения, называвшиеся Славяносербией. Мой дед с бабкой еще знали язык, а вот я с сестрой уже нет. Забыли.

– Интересно, – отогнал от лица жужжащего комара Юрка. – Так они были военные?

– Ну да. Два гусарских полка с семьями. Всех потом записали в казаки. Ну что, поехали назад? – с кряхтением поднялся старик.

– Поехали, – натянул внук футболку с шортами и сунул ноги в шлепки. Пошагали лугом к трактору. Вскоре он стрекотал обратно. За рулем теперь сидел дед. Внук пристроился сбоку.

Во дворе отец, закончивший возиться с насосом, быстро разгрузил тележку, расстелив траву вялиться на солнце.

– Это за лето уже четвертая, – довольно распушил усы дед. – Будет чем зимой кормить живность.

Когда солнце повисло у горизонта, а от реки потянуло свежестью, семья уселась ужинать. Теперь ели шкварчащую яичницу на сале и пышные оладьи, намазывая вареньем и запивая горячим чаем. В стороне Джек лакал из миски чуть теплую овсянку.

Затем бабушка с матерью убрали со стола (Оксанка помогала) и ушли в хату. Дед с отцом, вынув сигареты, закурили.

– Какие будут планы на завтра, батя? – окутался дымом Николай.

– Трэба заменить два стояка в заборе, сгнили. А потом возьму у соседа лодку, сплаваем на тот берег. Пару дней назад прошел хороший дождь, люди говорят в лесу пошли опята.

Посидели еще немного. На землю опустились сумерки, где то в садах зацокал соловей. Замолчал, словно набираясь силы, и начал выводить трели. Все внимали.

– Неказистая вроде птаха, – оценил Петр Иванович. – А поет, душа радуется.

– Это точно, – сказал Юрка. – Жалко в городе их нет.

– Зато стало полно воронья – заметил отец. – Производство стоит, свалок и отходов меньше, а их целые стаи.

– По народным приметам, столько ворон к войне, – вздохнул дед. Остальные промолчали.

– Ну ладно, пора спать, – затушив окурок, встал и отправился в хату. Сын с внуком ушли в сарай. Решили провести ночь на свежем воздухе. Там, на душистом сене, уже было расстелено рядом с подушками, улеглись рядом. Вскоре оба засопели носами.

На следующее утро, после завтрака, мать с Оксанкой отправились на местный базарчик, купить молока, а Петр Иванович к соседу, за лодкой. Того звали Высочин, жил с бабкой, увлекался рыбалкой.

Отец с Юркой прихватив две плетеные корзины из сарая, спустились огородной стежкой к воде. Там был устроен невысокий примосток для полоскания белья. Минут через десять сверху подошла плоскодонка, на веслах сидел дед.

Погрузились. Его сменил отец, мощно погреб поперек течения.

В этом месте ширина достигала полусотни метров, приближался берег. В отличие от низменного левого он был высоким и обрывистым, с глинистыми склонами, густо порос лесом.

Лодка ткнулась в песок, ступив за борт, вытащили из воды. По одной из промоин вскарабкались наверх, оказавшись среди деревьев. Здесь густо росли сосны и дубы, ясени с кленами, берест и дикие груши. Иногда встречались полянки с ландышами и ежевикой. Пахло сыростью.

Грибы стали попадаться почти сразу. Вначале рыжики с лисичками, иногда белые, а на трухлявых пнях целые колонии молодых опят. За час корзины изрядно наполнились, присели на поваленную колоду отдохнуть.

Потом рядом затрещали кусты, из них появились двое. В кепи, армейском камуфляже и резиновых сапогах, подошли вплотную.

– Убирайтесь отсюда, – хмуро оглядел грибников старший. – Здесь частная территория. Лес приватизирован.

– С каких это пор? (переглянулись). Не ваше дело, – ухмыльнулся второй, моложе. И пнул носком сапога корзину.

Отец Юрки не спеша встал и с разворота дал наглецу в ухо. Полетел наземь. Второй кинулся было на помощь, не успел. Опередил дед. Сгреб за плечи и швырнул в заросли крапивы. Тот дико заорал, вскочив, стреканул, как заяц. Юрка, схватив валявшийся рядом сук, метнул вслед. Не попал.

Упавший встал, отряхнув колени прохрипел, – еще посчитаемся и тоже исчез среди деревьев.

– Да, – покачал головой дед. – Скоро и воздух приватизируют новые хозяева. Дождемся.

– Ничего батя, еще не вечер, – отмахнул от лица мошкару сын.

Захватив корзины, неспешно вернулись к берегу. Спустившись вниз, сели в лодку, теперь греб Юрка. Вскоре пристали к своему, выгрузились. Дед погнал лодку к соседу, а отец с сыном огородом поднялись во двор.

По нему витал запах сдобы, бабушка колдовала у летней печки. Такие стояли в каждом дворе, летом на них готовили пищу.

– Ой, сколько набрали! – удивилась мать, а Оксанка взяв в ручки крепкий боровик с коричневой шляпкой пропищала, – какой хорошенький, такой в мультике показывали.

На обед ели наваристый борщ и пышные пироги с творогом, запивая пахнущим клевером молоком. После него все отправились отдыхать, а Юрка решил прошвырнуться по селу.

Выйдя со двора в проулок, а оттуда на улицу, зашагал вдоль череды хат к центру. Там, на небольшой площади, был сельсовет, почта и магазин с аптекой.

Рядом с ней, в тени раскидистого каштана, на лавке, щелкая семечки, сидели трое пацанов.

– Здорово, Грач! Что, к деду приехал? – выплюнул шелуху старший, его ровесник.

– Здорово, Федь – подошел Юрка. – К нему.

– Надолго?

– Сегодня уезжаем.

– Жалко, а то б сходили на рыбалку, мы вечером собираемся.

– Ага, – подтвердил лет десяти шкет*, шмыгнув конопатым носом.

Ребята угостили его семечками (по местному насинням) немного потрепались и разошлись по своим делам.

На вечерней заре гости стали собираться домой. В багажник уложили двух забитых дедом кролей, поставили ведро молодой картошки и корзину с грибами.

Прощавшись, уселись в «девятку», вырулили за ворота. Старики остались у них, глядя вслед.

На обратном пути опять подвернули к Тошковской криничке, попив ключевой воды. После, вместо Юрки, за руль сел отец. Выехав на трассу, прибавил скорость. На землю опускались первые сумерки, далеко впереди показались терриконы мертвых шахт.

Глава 3. Переворот. Восстание на Донбассе

Лето пролетело быстро, на город опустилась осень, в городских парках со скверами пожелтела листва. В ноябре ударили первые заморозки, а в Киеве началась буза.

Президент Янукович задержал подписание документов об интеграции Украины в Евро-союз, на столичный майдан вышли тысячи протестующих граждан*. В основном жителей столицы и прилегающих областей. Им очень хотелось стать европейцами и попользоваться плодами западной демократии.

Организовали палаточный городок, выдвинули требования, но не тут-то было. Спецназ его разогнал, толпа, подзуживаемая националистами, возбудилась. На майдане принялись строить баррикады и жечь автомобильные крыши, выламывать булыжное покрытие. Из Львова с Тернополем, Ровно и Волыни прибыло бандеровское подкрепление, противостояние усилилось. Началась осада правительственного квартала, пролилась кровь.

Все это круглосуточно транслировалось по телевидению.

Над столицей слались клубы черного дыма, в небе кружило воронье, на майдане озверевшая толпа крушила безоружный «Беркут»*. В него летели «коктейли Молотова» и булыжник. Выскакивавшие вперед молодчики из ультраправых организаций разбивали щиты и головы спецназовцам ломами, железными прутами и кистенями на цепях.

– Господи, что ж такое творится? – в ужасе смотрела на экран мать Юрки, у того шли по коже мурашки, а отец в бессильной ярости скрипел зубами.

В городе тоже было беспокойно. На работе и в общественных местах жители спорили и обменивались мнениями. У горисполкома собирались митинги, на которых активисты призывали не признавать новую власть.

Наступил февраль 2014-го. Президент с ближайшим окружением позорно бежал в Россию, оппозиция победила. Временно исполняющим стал председатель Верховной Рады Турчинов, а премьер – министром Яценюк. Оба ярые националисты.

Новая украинская власть получила признание Евросоюза и США.

В столице, северных, центральных и западных регионах Украины новое руководство, заявившее о возобновлении движения в сторону евроинтеграции пользовалось поддержкой населения и быстро упрочило своё положение.

Однако на юго-востоке с первых же дней прихода бывшей оппозиции к власти стала шириться волна протестов против действий ультраправых националистических организаций, в защиту статуса русского языка, под антиправительственными, федералистскими и пророссийскими лозунгами.

Протесты были вызваны отказом нового руководства учитывать мнения и интересы значительных групп населения, настроенных на сохранение тесных связей с Россией и намерением экстремистских ультраправых группировок, усиливших за время беспорядков своё политическое влияние. Распространить на русскоязычные регионы Юго-Востока методы и приёмы силового давления, опробованные в ходе массовых беспорядков в Киеве и на западе Украины.

Начались протесты в Крыму, а затем перекинулись в Донецкую с Луганской, Харьковскую, Одесскую, Днепропетровскую, Николаевскую Херсонскую и Запорожскую области.

В результате, при участии русского спецназа, Крым обрел независимость и вошел в состав Российской Федерации, в остальных регионах волнения сошли на нет. Кроме Донбасса.

Там, в апреле, провозгласили народные республики, отказавшиеся подчиняться киевскому режиму. Вскоре в Славянск вошел отряд добровольцев из России во главе с полковником ГРУ Стрелковым, начавшим формировать новые. Из шахтеров, металлургов, химиков и строителей.

Киев же решил провести в отношении непокорных территорий «антитеррористическую операцию», приняв соответствующий Указ.

В ответ протестные настроения на этих территориях усилились. В Донецке, а потом Луганске, продолжили создавать народное ополчение. Появилось оно и других городах, в том числе Первомайске.

Сначала в близлежащем Стаханове организовали отдельный казачий полк имени атамана Платова под командованием Павла Дремова, назначившего военным комендантом Первомайска Евгения Ищенко. Поскольку городская администрация сбежала, он принял обязанности и народного мэра, начав формировать самооборону.

В нее записывались местные шахтеры, заводские рабочие, строители и другие, пожелавшие взять в руки оружие. Его было мало. В основном захваченное в городских отделах СБУ* и полиции, а еще охотничье.

Записался в отряд и отец Юрки, чем сын очень гордился.

Между тем на узловую железнодорожную станцию города Попасная, в четырнадцати километрах к западу от Первомайска, для подавления восставших стали прибывать части украинской армии.

Поскольку войти туда они могли по соединявшей города трассе, ополченцы соорудили на ней блокпост из железобетонных плит, а по сторонам вырыли окопы. Такой же возвели на выезде из Первомайска в сторону Лисичанска, установив наблюдение с терриконов за трассой и грунтовыми дорогами.

Однако за оружие взялись не все. Часть семей уезжала из города в другие, более спокойные места, в том числе центральную Украину и Россию. Уехали к родне в Полтаву и Гриценки, а с ними Сашка.

– Я бы остался, пацаны, – сказал друзьям на прощание. – Но отец с мамкой не разрешают. Так что не поминайте лихом.

Юрка с Генкой не осуждали. Семья есть семья.

Они же решили стать ополченцами. Запись шла в городской администрации, о чем сообщали расклеенные по городу объявления.

– Как думаешь, возьмут? – прочтя такое, спросил приятеля Генка.

– Должны. Гайдар* в семнадцать командовал полком, а вспомни молодогвардейцев.

– Когда это было?

– Сейчас то же самое. Война.

На следующее утро, сбежав с уроков, оба отправились по адресу. До этого в этом учреждении не бывали. Администрация находилась в центре, на широкой площади. Справа кинотеатр, слева плавательный бассейн. Перед ней на постаменте памятник Ленину, сзади зеленый парк с альпинарием и фонтаном.

Вход в учреждение был свободным, нашли на первом этаже нужный кабинет. Из него как раз вышли двое мужчин, молодой и старый, пошагали к выходу. Юрка постучал в дверь, изнутри глухо донеслось «да». Открыл, ступили за порог.

– Чего надо пацаны? – поднял голову от бумаг, сидевший за столом человек лет сорока в пятнистом камуфляже.

– Мы это (подошли ближе) хотим записаться в ополчение.

– Похвально, – обвел глазами. – А лет вам сколько?

– Мне семнадцать, – соврал Юрка.

– И мне тоже, – добавил Генка.

– Придете через год, – пожевал губами. – Свободны.

– Да мы... – начал было Грач.

– Я сказал, свободны! – повысил голос. – Чего непонятно?

Развернувшись, покинули помещение.

– Что будем делать? – спросил Генка, когда вышли наружу.

– Да пошел он, – сплюнул на землю Юрка. – Айда к ополченцам. Попытаемся на месте.

Через парк направились к городской прокуратуре, оттуда поднялись вверх по улице Театральной, миновав выходящий в сторону Попасной жилой квартал. В километре за ним, на трассе, находился блок – пост, по сторонам извилистая линия окопов.

Однако добраться туда не удалось. На подходе из лесопосадки вышли двое с охотничьими карабинами – стоять! Куда идете?

– У меня там батя, – показал Юрка в сторону окопов. – Хотим проведать.

– Запрещено. Топайте назад.

Делать было нечего, пошли обратно.

А на следующий день с той стороны ухнул взрыв, и донеслась частая стрельба. К вечеру стало известно, ополченцы отбили первую атаку оккупантов.

В это же время в Рубежном и Лисичанске начались бои между ними и украинскими национальными гвардейцами, некоторые перешли на сторону восставших. Одновременно «Армия Юго – Востока» (так теперь именовалось ополчение) захватила украинскую военную часть и патронный завод в Луганске. То же случилось и со второй – в Александровске. Далее повстанцы выбили из областного центра отряд Госпогранслужбы, захватив склад оружия и боеприпасов. Накал боев нарастал.

2-го июня украинские военные самолеты нанесли авиаудар по зданию областной администрации, убив восемь и ранив около тридцати человек, а к середине месяца оккупанты с севера вплотную подошли к Луганску. Там, при попытке высадки в аэропорту десанта, ополченцами был уничтожен военно-транспортный ИЛ-76. Спустя еще неделю, в Зеленополье, они перебили еще более двухсот карателей, завладев их оружием и техникой.

С этого времени силы АТО (так Киев назвал свою карательную операцию) начали целенаправленно наносить ракетно-артиллерийские удары по восставшим городам Донбасса.

В конце июля под превосходящими силами ВСУ* Луганское ополчение отступило из Северодонецка с Лисичанском в Первомайск, организовав там новую линию обороны.

Основной ударной силой стал казачий полк Дремова, насчитывающий полторы тысячи человек. Помимо стрелкового оружия в нем уже имелись ствольная артиллерия, РСЗО* и бронетехника, захваченные у противника.

К тому времени стало известно, после отступления ополченцев из Лисичанска, в городе остался отряд подростков, именовавшийся «Юная самооборона». Семьдесят два человека. Вооруженные стрелковым оружием и гранатометами, ребята вступили в бой с оккупантами. Удерживая город двое суток, бывшие школьники уничтожила несколько десятков оккупантов, три единицы бронетехники и две установки «Град». А одна из девушек – Валерия Ляхова, бросилась со связкой гранат под танк.

Часть юных героев погибла, оставшиеся прорвались в Алчевск.

Между тем, на подходе к Первомайску развернулись ожесточенные бои, а по нему стали наноситься массированные артиллерийские удары. Украинцы били по жилым кварталам и промышленным предприятиям круглосуточно. Часть населения эвакуировалась в ближайшие Стаханов с Ирмино, но многие остались.

На время обстрелов спускались в подвалы многоэтажек, а после возвращались, разбирая завалы и гася пожары. При одном таком погиб Генка со всей семьей. Украинская ракета попала в их квартиру. На похоронах Юрка сцепив зубы, дал себе слово отомстить за друга.

Одним таким днем, ближе к вечеру, дома появился отец. Грязный, заросший бородой, с автоматом на плече и подсумками на поясе. Расцеловав мать с Оксанкой и потрепав Юрку по вихрам, сообщил, – отпустили до утра.

Искупался в летнем душе, сменил белье и побрился. Затем после ужина мать занялась стиркой камуфляжа, дочурка помогала. Они же с Юркой уселись во дворе под яблоней, отец закурил.

– Чем занимаешься? – глубоко затянулся сигаретой.

– Участвуем с ребятами в тушении пожаров и разборке завалов, – показал расцарапанные руки.

– Правильно, нужно помогать.

– А у вас как? Много набили «укропов»?

– Хватает. Есть сынок сведения, они вошли в Золотое. И оттуда тоже готовят наступление. Жаль, какими силами не знаем.

Потом Юрка попросил отца показать автомат, что тот и сделал. Рассказал его характеристики, а заодно научил разбирать и собирать, что оказалось довольно просто.

– Эх, еще бы пострелять, – поцокал языком парнишка.

– Всему свое время, отнеси в дом.

На следующее утро за отцом заехал грузовик, в кузове сидели несколько ополченцев. Он забрался в кабину, хлопнула дверца. Машина сдав назад и развернувшись, вырулила на трассу.

А Юрка решил отправиться в Золотое. Над этим он думал часть ночи, беспокойно ворочаясь в постели. Если разведать сколько там врагов, можно точно проситься в ополчение.

После завтрака он сказал матери, что идет на разбор завалов, сунул в карман кусок хлеба, вышел со двора и направился в конец переулка. Там спустился тропинкой в неглубокий яр, поросший терновником, а оттуда вскарабкался вверх по косогору. За ним к северу раскинулась степь с балками. В той стороне находилось Золотое.

Спустя пару часов подходил к городу. Был он небольшим, с одноименной ныне не работающей шахтой, обогатительной фабрикой и заводом строительных материалов. Здесь, на южной окраине жила Юркина крестная. В прошлом работала машинистом подъема, была одинокая.

Понаблюдав из посадки за нужной улицей (была пустынной) он вышел из кустов и, беззаботно посвистывая, направился между двумя рядами частных домов, с приусадебными участками. Дойдя до среднего, на левой стороне, нырнул в калитку.

Крестная была дома, стирала во дворе белье.

– Юра! Ты откуда взялся? – всплеснула руками.

– Мама беспокоится, как вы тут. Вот, решил узнать.

– Так ведь опасно, кругом такое творится. Просто жуть.

Чуть позже она кормила Юрку пшеничным супом и драниками, рассказывая городские новости. Оказывается несколько дней назад в Золотое вошли украинские солдаты, расположившись на постой.

– И много их? – поинтересовался гость.

– Целая колонна грузовиков с пушками и еще эти, как их, танки. А сколько не считала. Люди говорят, пойдут на Первомайск. Вы уезжать не собираетесь?

– Не, – повертел головой Юрка. – Если полезут, встретим. Спасибо за обед, тетя Люся, – встал из-за стола. – Наелся. Пойду, прогуляюсь, может кого из знакомых пацанов встречу.

Крестная не возражала, и он вышел на улицу. Город знал хорошо, раньше часто приезжали к ней в гости. Миновав еще несколько улиц с редкими прохожими, вышел к центру. У здания администрации с желто-голубым флагом стоял десяток военных грузовиков, по площади расхаживали вооруженные до зубов солдаты. Направился к школе.

Там тоже были украинские военные, во дворе три танка. Рядом пропылили две БМП* с трезубцами на бортах. Побродив с час по городу и посчитав технику, вышел к магазину на окраине. Оттуда шла трасса на Первомайск. Решил понаблюдать.

Уселся в тени акации на пустые ящики, достал из кармана горсть семечек, стал лузгать. Трасса была пустынной, движения не наблюдалось, давила полуденная жара.

Потом сзади возник шум мотора, к магазину подвернул бронетранспортер, не глуша его встал. Сбоку отвалилась стальная дверца, впереди люк. Наружу выбрались трое солдат и механик – водитель. Гогоча, протопали в магазин.

Юрку изнутри словно толкнуло. Он выбросил семечки, подбежал к машине и скользнул в люк. Плюхнувшись на сидение, выжал сцепление, включив скорость, нажал педаль газа. БТР тронул с места. Вцепившись в руль, разогнал, со скрежетом врубил вторую. Под колесами загудел асфальт, в лицо ударил ветер.

Через километр впереди засерел украинский блок-пост со шлагбаумом поперек трассы. Из него появился военный в каске и с автоматом, выйдя на середину, поднял руку.

Юрка сбросив газ, притормозил, а когда до постового остался десяток метров, снова нажал педаль. Раздался короткий вопль, хруст. Машина покатила дальше.

– Это тебе за Генку, гад, – утер со лба пот Юрка.

По сторонам замелькали посадки и неубранные поля, БТР с ревом несся по пустой трассе. Вскоре она спустилась в низину, оттуда поднялась наверх, впереди открылись окраины родного города.

Глава 4. В ополчении

Прошла неделя, как Юрку приняли в ополчение. Теперь он был бойцом 1-го казачьего полка имени атамана Платова, оборонявшего Первомайск. Мать, узнав про это расплакалась, отец воспринял все как должное.

Сведения, доставленные сыном, доложили лично командиру полка Дремову, сообщив и об угнанном бронетранспортере. Тот пожелал увидеть героя и отца.

– Храброго ты воспитал хлопца, Николай, – сказал, когда их привезли в штаб, находящийся в здании администрации. – Молодца (пожал Юрке руку) и вручил награду – казачью кубанку, а к ней автомат Калашникова с двумя запасными магазинами.

Нового бойца определили во взвод, которым командовал родитель, присвоив позывной «Грач».

Золотовское направление тут же усилили ротой ополченцев, туда входил и отцовский взвод. Линию окопов удлинители, доставив туда десяток захваченных у противника РПГ* с запасными выстрелами к ним. В близлежащей посадке установили спаренную зенитную установку.

Трофейный бронетранспортер с полным боезапасом к пулемету отправили на линию обороны со стороны Попасной. Там были основные силы оккупантов. Ополчение предприняло наступление на нее и вошло город, но после отступило. Не хватило ресурса.

Утро 27 июля выдалось погожим.

На востоке всходило солнце, степь чуть туманилась, небо было синим и высоким. В нем, посылая на землю песню, трепетал, жаворонок.

Кажется идут! – прокричал сидевший на крыше бетонной коробки сбоку, наблюдатель с полевым биноклем. Все прильнули к брустверу.

Издаleка возник едва различимый гул, потом усилился, на трассе со стороны Золотого возникла длинная колонна. Впереди, уступом, шли два танка, за ним бэтээры и грузовики с тентами.

– Приготовиться! – разнеслась по окопам команда ротного.

Защелкали автоматные и винтовочные затворы, гранатометчики угнездили на плечах трубы РПГ.

Колонна между тем приблизилась метров на четыреста и застопорила ход у бетонной стелы* «Первомайск», перед спуском к городу. Бронетранспортеры стали разъезжаться по сторонам, из кузовов посыпалась пехота.

Головной танк, поворачивая башней, блеснула вспышка, перед линией обороны вспучилась земля. Вслед за первым открыл огонь второй, снаряд угодил по территории АТП* в низине. С бронетранспортеров заработали пулеметы, украинский десант развернулся в цепь.

В первые секунды Юрка испугался (на бруствере заплясали пыльные фонтанчики) и нырнул на дно глинистого окопа. А потом навстречу наступающим, оттуда задробили автоматы, сбоку хлопнул РПГ. Один из бронетранспортеров густо задымил и съехал на обочину.

– А-а-а! – донеслись ликующие крики ополченцев, из посадки в сторону наступающих понеслись огненные трассы зенитной спарки.

Юрка, преодолевая страх, вскочил на ноги, уперев в плечо приклад, застрочил из своего «калаша». Попадал в кого или нет, не знал, но старался.

Не ожидавшие столь яростного отпора «взэсушники» смешались и отступили назад. Кроме танков. Те, лязгая гусеницами, поползли вниз, делая короткие остановки и расстреливая окопы из орудий с пулеметами.

Очередным выстрелом головной разнес ополченский блок-пост меж смыкавшимися окопами, вверх полетели бетонные обломки. Но дальше стальные химеры не пошли, оставшись без

прикрытия пехоты. Урча моторами, они принялись сдавать назад, украинская атака захлебнулась.

До вечера оккупанты предприняли еще две. Им удалось выбить оборонявшихся из окопов и продвинуться до городского рынка. А потом к ополченцам подошло подкрепление из Стаханова с минометной батареей, врагов отбросили назад. Не солоно хлебавши, остатки их колонны убралась в Золотое.

Победа досталась нелегко. Из защитников погибла одна треть, шестеро получили ранение. Как только на землю опустилась ночь, ротный отправил к месту, откуда началась атака, группу бойцов. Разведать, все ли взэушники убралась и не оставили ли засады. Старшим пошел отец, напросился туда и Юрка.

Ночь была светлой, в небе возшла луна, пушисто мигали звезды.

Выбравшись из окопа, быстро спустились вниз, а затем покрались наверх, к стеле. На другой стороне трассы в кювете, чернел и вонял гарью подбитый бэтээр, осмотрели тянущуюся за ним посадку. Мертвых тел там не было, не иначе «укропы» увезли с собой, зато обнаружили брошенный грузовик с разбитой кабиной.

Двое забрались в кузов, там были ящики. В них два десятка огнеметов «Шмель» и боеприпасы.

– Так, Юрок, давай к ротному, – приказал отец. – Нужно человек десять чтобы это забрать.

Через пару часов все выгрузили и перетащили в окопы, трофеи оказались весьма кстати. К тому времени раненых отправили в городскую больницу, мертвых в морг, для организации похорон.

В течение недели оккупанты предприняли еще две атаки – с той же стороны и от Попасной. Обе оказались неудачными. После этого начали регулярные обстрелы города из РСЗО «Град» и ствольной артиллерии.

Ракеты с гаубичными снарядами били по жилым домам, заводам, фабрике, школам и больницам, постепенно превращая город в руины. Население спустилось в подвалы.

Налеты ополченцы пережидали на передовой в окопах и блиндажах, а когда заканчивались, вместе с городскими коммунальщиками и добровольцами тушили пожары, разбирали завалы и собирали мертвых. Поскольку кладбище непрерывно обстреливалось, их хоронили в парках, скверах, а то и во дворах.

За это время Юрка вполне освоился с нынешним состоянием, ни в чем не отставал от взрослых, а еще убил трех нациков*

Тем утром украинская ДРГ * попыталась проникнуть в город, по заброшенному мосту через Лугань, но наткнулась на секрет*. В нем было трое ополченцев, включая Грача. Находились в замаскированном окопчике в терновнике, при выходе на берег.

Двое спали, посапывая носами на дне, он нес дежурство. На бруствере стоял ручной пулемет, по реке плыл туман, где-то прокричала сойка.

«Кто-то потревожил» мелькнуло в голове, насторожился.

Затем на другом берегу раздвинулись кусты, на мост осторожно ступил человек в зеленом балахоне, вода по сторонам автоматом. Прислушавшись, огляделся и махнул рукой. Сзади возникли еще двое, покрались по настилу вперед.

Времени будить товарищей не оставалось, пулемет был взведен. Вжав в плечо приклад, ударил по чужакам длинной очередью. Сдавленный крик, первого смело в воду, остальные повалились на спину.

– Что?! Где? – вскочили спящие, клацая затворами.

– Кажись все, – просипел севшим голосом. – Вон они лежат.

– Точно, – выглянул из окопа старший, с позывным Моряк. – Берем тот берег на прицел, а ты Ястреб проверь, – бросил второму.

Тот с АКМ* наизготовку выбрался из окопа и побежал на мост. Вскоре вернулся, прихватив с собой снайперскую винтовку с автоматом, доложив, – оба «двухсотые».

На звуки стрельбы от окраинных хат прибежал резервный взвод. Двух убитых вытащили на берег, третьего нашли на отмели ниже по течению. Осмотрели.

Под балахонами оказался камуфляж с шевронами «Правого сектора»*, в вещмешках взрывчатка, боеприпасы и сухпай.

– Да, резкий ты парень, Грач, – сказал взводный. – Завалил явных диверсантов. Молодца! (хлопнул по плечу).

– Случайно получилось, – засмутился Юрка. – С перепугу.

– Все бы так пугались, – сказал кто-то из казаков. Остальные загоготали, а он подошел к телам. Это были крепкие мужики лет за тридцать, со щетиной на лицах, у одного сбоку на шее синяя наколка «трезуб»*.

В какой-то военной книжке читал, что солдат, впервые убивший врага, испытывает раскаяние и даже страх. Ни того ни другого в себе не чувствовал. Только ненависть. Эти пришли на Донбасс убивать мирных жителей, получив, что заслужили.

Обстрелы города между тем продолжались. Теперь в нем не было электричества, воды и газа, разбирать завалы не успевали, оттуда шел трупный запах. Гражданское население, кто мог, уезжало, отец с Юркой решили вывезти семью.

На их улице тоже разбили несколько домов, подвалов там не имелось.

Отпросившись у коменданта на пару часов, они заправили «девятку» и навьючили багажник наверху самым необходимым. Усадив мать с Оксанкой в кабину, выехали из города по бетонному мосту через Лугань в направлении Стаханова.

Рядом с ним, в поселке Ирмино, жил двоюродный брат отца – Роман. Был он на десять лет старше Николая и состоял в местной самообороне. Встретили с женой – Людмилой, приветливо. Разместив привезенных у себя в доме, поговорили.

– Ну как, удержите Первомайск? – спросил Иван на прощанье.

– Удержим, – ответил Николай. – Мы же шахтерня. Будь уверен.

Бои за город продолжались. Несмотря на регулярные обстрелы, линия обороны укреплялась, ополчение пополнялось добровольцами из других городов. Появилось больше трофейного оружия, в том числе орудий и минометов

Минометы, кроме тех, что имелись, горняки начали собирать свои. Из гидравлических шахтных стоек на ремонтно-механическом заводе под трофейные 82-х миллиметровые мины. Характеристики не уступали армейским.

К августу «антитеррористическая операция» в Донбассе, как называли ее в Киеве, забуксовала. Более того, ополченские подразделения ДНР окружили украинскую группировку в Иловайске.

В образовавшийся котел попали националистические отряды «Донбасс», «Днепр-1», батальоны МВД «Херсон», «Свитязь»; полки «Миротворец» и «Шахтарськ» вместе с подразделениями 17-й бригады ВСУ, неся катастрофические потери. Президент Российской Федерации, в гуманных целях призвал ополченцев дать украинским силовикам коридор для выхода из окружения без оружия, что те и сделали.

Уничтожили ополченцы и формирования оккупантов, в свое время захватившие Донецкий аэропорт. Там каратели потеряли полторы тысячи человек.

Этим дело не ограничилось и в январе 2015-го силы Новороссии организовали «гэроям свиту» второй котел под Дебальцево. В него попали восемь тысяч оккупантов, включая армейские части ВСУ и нацбаты.

Помимо Донецкого ополчения в сражении приняло участие и Луганское в составе батальона «Призрак» под командованием Алексея Мозгового, а также сводной роты 1-го казачьего полка имени Платова. В нее вошел и взвод отца, в котором служил Юрка.

Таких кровопролитных боев не видал, они шли днем и ночью. Округа сотрясалась от артиллерийских взрывов, в небо уносились залпы «Градов», рвались мины, дробно стучали пулеметы. По колено в снегу, взламывая оборону противника и замыкая кольцо, ополченцы шаг за шагом продвигались к городу.

Первыми в него вошли бойцы Мозгового и казачья рота. 17 февраля над Дебальцево был поднят флаг Новороссии.

В тот день от шальной пули погиб отец Юрки.

На следующий, вместе с другими павшими героями, его похоронили на городском кладбище. Мозговой и атаман Козицын* выступили с траурными речами, обещая отомстить за смерть товарищей, выстроенные вокруг ополченцы сняли шапки. Грач стоял в первой шеренге и плакал.

За время боев они уничтожили в котле более трех тысяч украинских солдат и боевиков нацбатов, захватили на узловой станции несколько эшелонов с техникой, боеприпасами и продовольствием.

Все горели желанием полностью освободить Донбасс и идти на Киев. Не довелось. Снова в гуманных целях вмешалась Россия. По ее инициативе, согласованной с Германией и Францией, выступившими гарантами, в этом же месяце были заключены Минские соглашения.

Ими предусматривалось незамедлительное прекращение огня, отвод обеими сторонами тяжелого вооружения в целях создания безопасной зоны и еще целый ряд мероприятий, направленных на урегулирование вооруженного конфликта. Как и после Иловайского котла пришлось согласиться.

В результате часть территорий ЛДНР остались под украинской оккупацией.

С первых же дней Киев начал саботировать мертворожденные соглашения, не собираясь их выполнять. Обстрелы Донбасса и провокации с его стороны продолжились.

Бойцы сводной роты казаков на трофейной технике вернулись в Первомайск, командование предоставило им три дня отдыха, выдав часть захваченных у ВСУ продуктов.

После этого Юрка отправился в пустой родительский дом (за ним присматривали соседи) затопив печку, натаял снега и искупался в жестяном корыте. Вторым заходом выстирал камуфляж, повесив сушиться. Переодевшись в чистое белье, развязал лямку вещмешка, достав оттуда банку консервов и галеты. Поужинал, запивая кипятком, и завалился спать.

Утром, выгнав из гаража «девятку», прихватил вещмешок с автоматом, выехал за ворота. Ночью снова прошел снег, ударил легкий морозец, деревья стояли в инее.

Миновав разбитое АТП слева и сгоревший за ним рынок, выехал к жилому кварталу за ним с несколькими обугленными многоэтажками, повернул влево на дорогу к Стаханову.

Тут и там на ней встречались воронки, объезжал. Миновав окраину, въехал на уцелевший мост, под которым текла Луганка. В сотне метрах за ним виделся блок-пост, рядом стоял бэтээр, на середину вышли двое ополченцев с автоматами. Один поднял руку, Юрка остановил машину.

– О! Грач! – подошел ближе. – Куда брат, намылился?

– В Ирмино, – приоткрыл дверцу. – Навестить мать с сестренкой.

– Проезжай, – кивнул каской (вернулись обратно).

Захлопнув воткнул скорость, «девятка» осторожно заюлила меж бетонных надолбов.

Ирмино почти не пострадало, сюда украинские снаряды долетали реже. Народу на улицах встречалось больше, изредка проезжали легковые автомобили и военные грузовики. Мать с Оксанкой и родня были дома, сняв шапку, сообщил скорбную весть.

Мать охнув, упала на диван и зарыдала. К ней присоединились сестренка с женой дяди. Сам Роман побледнев, сжав кулаки, – когда это случилось?

– Неделю назад, в Дебальцево – опустил голову племянник.

Рассказал подробности, все внимательно слушали. Потом женщины, утерев слезы, накрыли поминальный стол.

У родни он пробыл двое суток, а утром третьих оставив им продукты, снова вернулся в Первомайск на службу.

Глава 5. Плен

Прошла зима с весной, наступил июнь. Зазеленели степи в воронках и посеченные рядами посадки.

Минские соглашения украинская сторона не выполняла. Ополченцы отвели тяжелое вооружение от линии соприкосновения, а она нет, продолжая вести артиллерийские и ракетные обстрелы территорий независимых республик.

Те отвечали из стрелкового оружия, более серьезное не применялось. За этим строго следили появившиеся на передовой российские военные советники. Оттуда пошли гуманитарные конвои, угроза голода на освобожденных территориях миновала.

Одним таким днем, Дремов приказал обследовать участок «серой зоны» в селе Желобок Славяносербского района. Такими, по условиям Минских соглашений являлись линии разграничения между украинскими войсками и ополчением. Там не должно было быть тяжелого вооружения противоборствующих сторон и военных подразделений.

В полку же имелись другие сведения. Их следовало проверить.

К тому времени Юрка, отличившийся в боях и получивший легкое ранение в плечо, служил в разведзвезде. Он умело пользовался стрелковым оружием, мог читать карту и не раз бывал в поисках. При этом отличался сметкой, хладнокровием и быстротой реакции.

Сформировали ДРГ из трех опытных бойцов. Старшим назначили ополченца с позывным Клещ, второго звали Чечен. Грач стал третьим.

Отправились ночью, ранним утром балками и посадками вышли к селу. Оно раскинулось в низине, часть домов со строениями были разрушены в зимних боях. Заросшей кустарником промоиной на склоне пробрались к крайним усадьбам, залегли, принявшись наблюдать.

По виду они были брошенными, рядом с одной темнели сожженные «жигули», во дворе соседней валялся скарб. Все поросло бурьяном.

– Так, идем в дальний конец, – прошептал Клещ.

С автоматами наизготовку перебежали к ближайшему, стоявшему на пригорке дому. Окна в нем были выбиты, двери сорваны с петель. Страхуя друг друга, осторожно ступили за порог. В комнатах стояла пыльная мебель, ящики выдвинуты, все перевернуто. Тут явно побывали мародеры.

Из кухни на чердак вела лестница.

– Проверь, – бросил Грачу Клещ. Тот, поднявшись по ступеням исчез. Через несколько минут сверху свесилась голова, помахал рукой, – сюда.

Клещ тоже забрался наверх, Чечен остался внизу страховать.

Из чердачного окна хорошо была видна дальняя часть села. Там стояла гаубичная батарея, в садах укрывались два грузовика и танк. Рядом прохаживались часовые.

– Вот тебе и «серая зона» – нахмурился командир.

Достав из кармана мобильник, сделал несколько снимков, поочередно спустились вниз.

– Ну что там? – встретил вопросом Чечен.

– Укропы с артиллерией и бронетехникой. Возвращаемся назад.

Тем же путем отошли к склону, промоиной поднялись наверх и исчезли в посадке.

На обратном пути (решили идти днем) группе не повезло. Когда выбравшись из оврага, перебежали в степную балку, их заметили с пылившего в километре по дороге бронетранспортера с солдатами на броне. Он тут же свернул к бегущим.

– Ходу! – прокричал Клещ.

Запалено дыша, вломились в лозняк на опушке, скатились меж деревьев вниз, побежали по пересохшему руслу. А вверху уже слышался шум мотора, через минуту смолк, донеслись голоса преследователей.

Балка заканчивалась старым карьером с выходами плитняка и крутыми склонами. Время на подъем не оставалось, заняли оборону за камнями у обвалившейся штольни.

Первых трех солдат набегавших туда, свалили короткими очередями. За ними выскочили еще, завязался неравный бой. Вскоре погиб Чечен, пуля попала в лоб, через несколько минут разорвавшейся гранатой убило командира. Грач, меняя магазины, продолжал отстреливаться, затем перед глазами ослепительно мигнула вспышка, погасив сознание.

Очнулся от тряски и утробного гула, внутри бэтээра. Лежал на полу, прижатый берцами сидевших по бортам солдат.

– Ну шо? Прийшов до тямы москаль? Н-на! – обрушился сверху кулак. Снова куда-то провалился.

Вторично пришел в себя в каком-то мрачном подвале. Из выбитого окошка наверху тускло сочился свет, лежал в углу на бетоне. Кружилась голова, тошнило. С трудом наполнил спиной на стену, привалился, обвел взглядом полумрак. В нем угадывались еще люди. Хрипло спросил, – где я?

Ответом было молчание, потом кто-то сказал, – в Крымском, парень.

«Не близко завезли» мелькнуло в голове. Пошевелил руками и ногами, оказались целы.

Спустя час вверху громыхнула дверь, по ступеням спустились двое.

– Вставай падло! – подошли к Юрке, уцепив подмышки, вытащили наружу.

Яркий свет ударил в глаза, прижмурился. Толкая в спину автоматами повели к кирпичному, в два этажа зданию. Рядом стояли грузовики и бронетранспортеры. У одного, дымя сигаретами, весело гоготали несколько солдат.

Конвоиры с пленным поднялись на крыльцо, первый толкнул дверь. Прошли длинным коридором, остановились у одного из кабинетов. Старший постучал, изнутри глухо донеслось «да», завели внутрь.

В кабинете с двумя окнами, под портретом Бандеры, за столом сидел мордастый человек в камуфляже с нашивками «Айдар»*. Сбоку, на продавленном диване еще двое.

Конвоиры вышли, один из них встав, поставил перед столом табурет «сидай». Юрка выполнил.

– Призвыще та имья, – поднял на него глаза мордастый.

– Сергей Полторак, – назвал вымышленную фамилию.

– Украинэць?

– Наполовину. Мать русская.

– Звидкиля?

– С Кировска.

– И давно воюеш за сэпаратистив?

– Недавно. Второй месяц.

Далее последовали вопросы касающиеся подразделения, его дислокации, фамилий командиров и характера выполнявшегося задания. Юрка стал врать напрапую, «азовец» внимательно слушал.

Потом грохнул кулаком по столу «брэшэш стэрво!» и кивнул подручным.

Те, встав, подошли с двух сторон, удар кулака смел пленника с табуретки. Принялись охаживать ногами. Юрка заорал благим матом, – я говорю правду!

Опять усадили, допрос продолжился. С перерывами на избивание длился час. Потом окровавленного парня утащили в подвал и спустились с лестницы. Допрашивали еще день, повторял, что сказал.

На третий, его с двумя арестантами – пожилым ополченцем с выколотыми глазами и молодой истерзанной женщиной вывели наружу. Поставили у кирпичной стены во дворе, конвоиры передернули затворы, коротко хлестнули очереди. Ополченец с женщиной упали. Грач остался стоять.

Снова отвели к мордастому. Результат был, что и раньше.

После этого оставили в покое и за все время дали кусок хлеба (раньше была только вода). Юрка съел, забывшись кошмарным сном.

Утром снова загремели запоры, – Полторак, на выход!

Шаркая ногами и качаясь, поднялся ступенями наверх. Там уже ждал армейский «УАЗ». Запихали в багажник, хлопнули дверцы, тронулся. Ехали долго, пленного бросало из стороны в сторону, дважды останавливались на блокпостах.

Когда отъезжали от последнего, Юрка, увидел в заднее окошко бетонную стелу с метровыми буквами «Северодонецк». Миновал окраину, свернули к центру, вскоре остановились у кирпичной пятиэтажки с высокой оградой. Водитель просигналил, открылись железные ворота, зарулили на территорию.

– Выходь, – открыли конвоиры дверцу и Юрку снова определили в подвал. Только теперь в одиночную камеру, с нарами, парашей и тусклой лампочкой под потолком. В углу имелся ржавый умывальник, из крана капала вода. Смыл с лица запекшуюся кровь, утерся подолом куртки и рухнул на тощий матрац.

Двое суток никто не беспокоил. Раз в день открывалась кормушка, получал миску баланды и кусок черняшки. На третьи вывели из камеры и доставили на второй этаж. Там в кабинете сидел гражданский, чем-то похожий на учителя, задумчиво курил.

– Присаживайся, – кивнул на стул и отпустил охранника. – Жди за дверью.

Когда тот вышел, раскрыл лежавшую на столе картонную папку и прочел «Юрий Грачев, позывной Грач. Боец 1-го казачьего полка имени Платова самопровозглашенной ЛНР. В ополчении с 2014-го. Идеальный сепаратист*».

– Что скажешь на это? – поднял от нее глаза.

– Юрка отвел свои и напрягся.

– Не бойся, бить не будем, – выдул вверх струйку дыма. – Знаешь кто я такой?

– Нет.

– Я майор Службы безопасности Украины Калюжный. Имею к тебе деловое предложение.

– Ложил я на него с прибором, – взглянул исподлобья Юрка.

– Не боишься смерти?

– Меня уже убивали (скривил губы).

– Так то тебя, а как насчет близких?

– Каких еще близких?

– Матери и сестры. Вот их адрес. И снова прочел «Город Ирмино, улица Косиора, дом 15». – А отец твой погиб в Дебальцево (закрыв папку).

По спине проползли мурашки. Этот Калюжный знал все.

– Ну, так как насчет предложения? – затушил в пепельнице окурочек.

– Слушаю, – с минуту помолчал Юрка.

– Ты дашь подписку о сотрудничестве с СБУ и будешь выполнять наши задания.

– А если откажусь?

– В таком случае ликвидируем мать с сестрой. А тебя расстреляем. Так что думай, – и нажал на столе кнопку.

Тут же открылась дверь. Вошел охранник.

– В камеру его, – приказал майор.

– Слухаюсь. Пишов! – толкнув в спину, вывел из кабинета.

Когда за спиной лязгнула стальная засова и шаги конвойного удалились, Юрка присел на топчан и задумался. Угроза Калюжного была не пустым звуком.

В январе по дороге на Горское неизвестные из засады расстреляли коменданта Первомайска Ищенко, вместе с группой волонтеров, а в мае, близ Михайловского блокпоста подорвали автомобиль командира бригады «Призрак» Мозгового. Он вместе с охранниками погиб.

Среди ополченцев поползли слухи, что это дело рук СБУ, позже все подтвердила украинская сторона. Так что убийство его матери и сестренки для них не составит труда.

«Что же делать? Что делать?» – лихорадочно вертелось в голове. Встав, заходил по камере. Ночь не спал, в мучительных раздумьях, а к утру пришло решение.

Ближе к полудню его снова доставили в тот же кабинет. Охранник, сыто рыгнув, вышел, плотно прикрыв дверь.

– Присаживайся, – кивнул на стул напротив Калюжный. – Ну как, хлопец? Подумал?

– Подумал, – опустил на сидение Юрка. – Я согласен.

– Ну, вот и хорошо (довольно оскалился).

Затем достал из стола лист бумаги, вынул из подставки ручку, – пиши.

– Чего писать? – придвинулся ближе.

«Я, Юрий Николаевич Грачев, добровольно обязуюсь оказывать содействие Службе безопасности Украины в борьбе с донецкими сепаратистами и российскими войсками. В целях конспирации выбираю псевдоним «Крестник».

– Теперь дата и подпись, – сказал, когда тот закончил. – Ну вот, молоток, – взяв в руки прочитал.

– А почему «Крестник»? – угрюмо спросил Юрка.

– Так я тебя вроде как окрестил (усмехнулся). И чтобы помнил о матери и сестре, – определил бумагу в папку, а потом запер ее в сейф.

После этого вновь испеченного агента снова отвели в камеру, где тот получил полноценный обед, а на следующее утро доставили на машине в сосновый бор за городом. Там было что-то вроде турбазы на берегу озера, охраняемой людьми в униформе без знаков различия. На территории имелся кирпичный коттедж, десяток щитовых домов и подсобные строения. Вокруг на столбах колючая проволока.

Охранники передали Юрку под расписку начальнику объекта. С этого дня у него началась новая жизнь.

Как оказалось, здесь была школа, где готовили диверсантов из числа местного населения и ополченцев, попавших в плен. Народ был самый разный. От идейно поддерживавших киевский режим, желавших заработать на предательстве и до таких как Юрка. Согласившихся на сотрудничество под страхом смерти.

Число курсантов (так именовался переменный состав) составляло три десятка человек, в том числе несколько женщин. Занятия проводились инструкторами СБУ на территории объекта и оборудованном в лесу полигоне.

Изучали взрывное дело и стрелковое оружие, способы ориентирования на местности, тайниковую и мобильную связь. А еще с ними работал идеолог, вбивая в головы националистические идеи и превосходство украинской нации над другими.

Настоящих фамилий и имен друг друга обучавшиеся не знали, при общении использовались только псевдонимы.

Тем не менее, общаясь с ними, Юрка узнал много интересного.

Например курсант Винник, родом из Старобельска, до того как попасть сюда выдавал эсбэушникам местных активистов, участвовавших в референдуме за присоединение Донбасса к России; курсанты Лютый с Осой и Шепель являлись уголовниками, освобожденными украинскими войсками из лагеря, а ряд других хотели доказать лояльность новой власти и заработать предательством на жизнь.

Запоминал он и инструкторов, проводивших занятия, систему охраны школы и возможные подходы к ней. Близо ни с кем из обучаемых не сходиллся, хотя был коммуникабельным. Те считали его молодым и недалеким.

Состав группы постоянно менялся. Тех, что пришли раньше после месячного обучения отправляли на задания, и они больше не возвращались. Хотя одного, с псевдонимом Крушина, как-то привезли. Избитого до полусмерти, похожего на кусок мяса.

Держа под руки, поставили перед курсантами, зачитали приговор. Из него следовало, что он во время заброски на территорию занятую ополченцами ранил одного из сопровождавших и пытался сдаться. Но был схвачен. После оглашения бумаги Крушину повесили на плацу в назидание остальным. Не снимали три дня.

В конце августа Юрку вызвали к начальнику школы. Это был спесивого вида толстяк, говоривший только на украинском и требовавший называть себя «ясновельможный пан». Курсантов он презирал, именуя «быдлом» и считал расходным материалом.

Помимо него в кабинете находился майор Калюжный, завербовавший Юрку. Вальяжно развалившись в кресле, сидел сбоку от стола начальника.

– Ну, здравствуй, Крестник, – повернул голову к вошедшему.

– Здравия желаю, – принял тот строевую стойку.

– Вот и закончилась твоя учеба, пора и за работу.

– Я готов, – вздернул подбородок.

– Похвально. Для чего и вызван. Присаживайся, – кивнул на стоявший напротив стул.

– Значит так. В ближайшее время отправим тебя в Марьинку, это под Донецком. Затем организуем переход туда. В городе займешься сбором сведений о воинских частях ополченцев, местах их дислокации и тяжелом вооружении. Ясно?

– Так точно.

Больше в казарму Юрка не вернулся, майор забрал его в Северодонецк.

Там, в течение суток, в СБУ с агентом провели подробный инструктаж. Он включал в себя изучение подготовленной легенды и карты столицы ДНР, вопросы легализации в городе, тайниковой и мобильной связи.

Далее переодели в гражданскую одежду, выдали «Сименс» китайской сборки, а еще пять тысяч гривен на расходы, получив расписку в получении.

Глава 6. Долг платежом красен

На следующий вечер, с военной колонной, майор с Крестником прибыли в прифронтовую Марьинку. Город был изрядно разбит, тут и там чернели остовы сгоревших зданий, оставшееся население ютилось в подвалах многоэтажек.

Колонна проследовала на восточную окраину, к укрепрайону, а автомобиль майора остановился у штаба, находящегося в уцелевшем здании.

Чуть позже они с агентом сидели в одном из кабинетов, где Калюжный обсуждал с украинским подполковником вопрос переброски Крестника за линию разграничения. Ее решено было провести ночью, силами диверсионно-разведывательной группы.

– Она сопровождает вашего человека вот сюда, – обвел подполковник карандашом место на карте. – Это Петровский район Донецка. От наших позиций до сепаратистских, чуть больше километра. Ну а дальше сам, – покосился на Юрку.

После этого его накормили и оставили отдохнуть в какой-то комнате, заперев на ключ. На душе скребли кошки, сон не шел. Нервы были на пределе.

Когда за окном сгустились сумерки, в коридоре послышались шаги, в замке провернулся ключ.

– Выходи, – возник в проеме майор.

Юрка, встав с койки, натянул на плечи джинсовую куртку и шагнул за порог. Пройдя пустынным коридором, спустились черным ходом на первый этаж, майор отпер дверь. Вышли наружу. Ночь выдалась безлунная, небо затянули тучи, где-то далеко прострекотал пулемет и стих.

Во дворе, метрах в пяти, стоял бэтээр с включенными подфарниками и открытой боковой дверцей. Направились к нему.

– Не забывай о своих близких, – подтолкнул Калюжный Юрку в спину.

– Помню, – согнувшись, влез внутрь.

Дверца захлопнулась, заурчал двигатель, машина выехала со двора.

В десантном отсеке, с тускло горящей лампочкой, кроме пассажира находились еще трое. С автоматами, в касках и бронежилетах. На лицах балаклавы*. Бэтээр потряхивало на ухабах, в корме что-то звякало. Все молчали.

Спустя минут двадцать остановились, послышались голоса, двинулись дальше. Тряска усилилась, машина переваливалась с бока на бок, потом стала.

Так же молча выгрузились в темноте (Юрка посередине), пройдя сотню метров, спустились земляными ступенями в окоп.

– Пароль? – спросили из темноты.

– Слава Украины, – откликнулся передний.

– Гэроям слава. Проходитьэ.

Миновав часового, по изгибам, обитым досками, двинулись дальше. Миновав огневую точку с дежурным пулеметчиком, добрались до окопа боевого охранения впереди. Там, в ячейке с перекрытием, сидели еще двое.

Старший пошептался с ними и дал знак. Группа осторожно выбралась наружу, поползла во мрак. Под телами чуть скрипел гравий, слышалось сдерживаемое дыхание. Через сотню метров почувствовался запах гари, вползли в развалины.

Там старший прислушался, затем встал, остальные последовали примеру. С автоматами наизготовку, согнувшись, покрались дальше. Вскоре оказались в пустой коробке здания, спустились в подвал. Здесь он включил фонарик, узкий луч высветил кабели, трубы под потолком и запорную арматуру. Двинулись по проходу дальше. Он закончился мешаниной бетона и проломом в стене.

– Всэ. Прыйшлы, – дохнул агенту в лицо старший. – За ным ужэ тэрытория сэпарив. –
Бувай, хлопче.

Так же тихо, как и пришла, группа отправилась назад. Юрка остался.

Остаток ночи, застегнув куртку и подняв воротник, продрожал у пролома, а когда забрезжил рассвет, выглянул наружу.

За зданием, в котором прятался, виднелись несколько пятиэтажек с пустыми глазницами окон, между ними асфальт в воронках, посеченные осколками деревья и остов сожженного трамвая. Людей видно не было, рядом с укрытием пробежала собака.

Юрка неслышно выбрался из пролома, огляделся по сторонам и направился к пятиэтажкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.